

Подолинский А. И. По поводу статьи г. В. Б. "Мое знакомство с Воейковым в 1830 году" // Пушкин в воспоминаниях современников. -- 3-е изд., доп. -- СПб.: Академический проект, 1998. -- Т. 1--2. Т. 2. -- 1998. -- С. 134--139.
<http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs2/vs2-134-.htm>

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ г. В. Б. "МОЕ ЗНАКОМСТВО С ВОЕЙКОВЫМ В 1830 ГОДУ"

В сентябрьской и октябрьской книжках "Русского вестника" прошлого года помещена статья г. В. Б. "Мое знакомство с Воейковым в 1830 году".

По многим данным этой статьи я тотчас же узнал, кто именно ее автор.

Упомянув в ней между прочим и обо мне и, вероятно, полагая, что я уже отошел в такое жилище, из которого не подадут голоса, г. В. Б. счел возможным дать полную волю своей досужей фантазии, как в те блаженные времена, когда он составлял фельетоны для "Северной пчелы" и сочинял хозяйственные заметки и промышленные рекламы.

Положительно удостоверяю, что во всем, что он говорит обо мне, нет почти ни слова правды.

Г. В. Б. заставляет меня обращаться и говорить с собою, как с хорошим приятелем. К сожалению, я должен сказать, что с г. В. Б. я вовсе не был знаком, что если где-нибудь с ним и встречался, то не знал, кто он, почему не имею даже никакого понятия о его наружности, так же как и он о моей, судя по тому фантастическому описанию, которое он обо мне делает и в котором от первого до последнего слова все создано, должно быть, расстроенным воображением.

Не понимаю, как ухитрился г. В. Б. видеть на мне редкие камни из Геркуланума, дорогие перстни, широкополую шляпу и вообще все то, чем он меня украшает и чего никто, никогда на мне не видывал. Я одевался просто, как все прилично одетые люди, не отличаясь никакою, бросающеюся в глаза, изысканностью и расчетом на эффект, совершенно мне несвойственным.

Щедрость свою ко мне автор простирает и далее: он дарит мне небывалых две тысячи душ в Малороссии, изображая меня *очень и очень* богатым, но как бы заезжим полтавским провинциалом. Если бы г. В. Б. действительно был со мною знаком, то, вероятно, он бы знал, что я не был ни полтавским уроженцем, ни душевладельцем, ни жителем Малороссии, но что, окончив мое воспитание в Петербурге, я, в описываемое им время, состоял там же, уже более шести лет, на службе.

К этому вымыслу г. В. Б. приклеил и другой, не менее отважный. Он вводит меня на вечер к графу Д. И. Хвостову, где будто бы я был встречен с особенным восторгом и почетом. Но увы! я с гр. Д. И. Хвостовым вовсе знаком не был и даже никогда не любопытствовал узнать, где его дом или квартира, почему и попасть к нему на вечер мне было бы трудно, до невозможности.

На этом же сочиненном г. В. Б. вечере князь Ширинский-Шихматов, которого (прошу заметить) я ни тогда, ни после вовсе не знал, с восклицанием прижимает к своей груди мою руку, а сам г. В. Б. объясняет гр. Хвостову, что он знаком со мною по четвергам Греча*. Новая выдумка! У Н. И. Греча я действительно бывал изредка, но только по утрам, а его приглашением на четверги не воспользовался более потому, что все молодые литераторы, являвшиеся на этих вечерах, всегда почти причислялись в общем мнении к болгаринской партии. Я же с ранних пор дал себе слово избегать всякой журнальной стачки, не входить ни в какую полемику и не принадлежать ни к какой исключительной литературной партии. Да и вообще я мало водился с записными литераторами, предпочитая им знакомства в обществе, а в особенности небольшой товарищеский круг по университетскому пансиону. Некоторые из составлявших эти дружеские сходки, называвшиеся у нас ассамблеями, имели впоследствии почетную известность, а гениальный М. И. Глинка постоянно в них участвовал и часто приводил в восторг или возбуждал общую веселость своими вдохновенными импровизациями¹.

Если же, до размолвки моей с бароном Дельвигом, о которой упомяну ниже, я посещал постоянно его еженедельные вечера, то этому были совершенно другие причины. Небольшое собиравшееся у барона общество мне вообще нравилось, и в особенности в нем приятны были нередкие встречи с Пушкиным и Мицкевичем**, доставившие мне возможность несколько ближе с ними сойтись.

Обращаясь еще к статье г. В. Б. Каким образом мог я померещиться ему на вечере у Воейкова в такое время, когда меня уже вовсе не было в Петербурге? Из статьи видно, что этот вечер был после смерти барона Дельвига, а я, уезжая из Петербурга, оставил барона еще в живых. Это первое; а второе то, что у Воейкова я не только вовсе не бывал, но по особенной случайности *нигде и никогда* его не видел⁶.